

1001 ночь.

Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане и его сыне ШаррКане, и другом сыне Дау-аль Макане, и о случившихся с ними чудесах и диковинах

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 45-50](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 51-56](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 57-62](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 63-68](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 69-74](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 75-80](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 81-86](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 87-92](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 93-98](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 99-107](#)

Девяносто девятая ночь

Когда же настала девяносто девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что мусульманские воины заняли вход в пещеру и, встав по бокам ее, принялись отражать неверных от входа. И всякого, кто хотел ринуться на них, они убивали. И они стойко бились с неверными, пока день не повернул на закат и не пришла ночь с ее мраком, и подле царя Шарр-Кана осталось лишь двадцать пять человек, не больше.

И неверные говорили друг другу: "Когда кончатся эти дни? Мы устали биться с мусульманами!" И один из них сказал: "Поднимемся и бросимся на них – их осталось только двадцать пять человек. А если мы не справимся с гимн, то сожжем их огнем. Если они подчинятся и сдадутся, мы заберем их в плен, а коли они откажутся, мы сделаем их дровами для огня, чтобы они были назиданием для проницательных. Да не благословит мессия их отца и да не будет обитель христиан их приютом!"

И они принесли дров ко входу в пещеру и подожгли их огнем. И тогда Шарр-Кан и бывшие с ним убедились, что погибнут, и сдались.

И когда это случилось, патриций, глава неверных, обратился к тому, кто советовал перебить мусульман, и сказал: "Они будут убиты только перед царем Афридуном, чтобы утолить его жажду мести. Нам следует оставить их у нас пленными, а завтра мы отправимся с ними в аль-Кустантинию и отдадим их царю Афридуну, и он сделает с ними, что захочет".

И неверные сказали: "Вот оно, правильное мнение!" А затем пленных велели скрутить и поставили над ними стражу. Когда же спустился мрак, неверные занялись весельем и едой и велели подать вина и пили, пока все не опрокинулось навзничь. А Шарр-Кан и его брат Дау-альМакан были закованы, как и все храбрецы, бывшие с ними, и Шарр-Кан посмотрел на брата и сказал ему: "О брат мой, как освободиться?" И Дау-аль-Макан отвечал: "Клянусь Аллахом, не знаю; мы стали подобны птицам в клетках". И Шарр-Кан рассердился и вздохнул от сильного гнева и потянулся. Тогда его узы разорвались, и, освободившись от пут, он подошел к начальнику стражи и взял ключи от цепей у него из-за пазухи и развязал Дау-аль-Макана и везиря Дандана и остальных воинов".

А затем он обернулся к своему брату Дау-аль-Макану и везиру Дандану и сказал: "Я хочу убить троих из этих стражников. Мы возьмем их одежду, наденем ее я примем обличье румов и пройдем среди них, так что никого из пас не узнают, и отправимся к нашему войску". – "Этот замысел неправилен, – сказал Дау-аль-Макан. – Я боюсь, что если мы убьем их, кто-нибудь услышит их хрип, и неверные проснется и перебьют нас. Вернее будет, чтобы мы вышли из ущелья". И они согласились на это. И когда они немного отъехали от ущелья, то увидели привязанные коней, владельцы которых спали. И Шарр-Кан сказал своему брату: "Каждый из нас должен взять коня. А их было двадцать пять человек, и они взяли двадцать взять коней, и Аллах наслал на неверных сон ради мудрой цели, ему ведомой. А потом Шарр-Кан стал вытаскивать у неверных оружие – мечи и копья, пока не набрал довольно, и они сели на взятых ими коней и послали, а неверные думали, что никто не может расковать Дау-аль-Макана, его брата и бывших с ними воинов и что они не в состоянии убежать.

И когда все освободились от плена и оказались в безопасности, Шарр-Кан прибыл к своим воинам и нашел их ожидающими его, и они стояли словно на огне, погруженные из-за него в глубокое раздумье. И Шарр-Кан обратился к ним и сказал: "Не бойтесь, Аллах сокрыл нас! У меня есть замысел, который, может быть, верен". – "А какой же?" – спросили его, и он сказал: "Я хочу, чтобы вы поднялись на гору и воскликнули бы все единым возгласом: "Аллах велик!" И кричали бы: "Пришли к ним войска мусульманские!" И мы все возопим единым голосом: "Аллах велик!" – и рассеется от это скопище румов. И они не найдут тогда для себя хитрости, так как они пьяны, и подумают, что войска ислама окружили их со всех сторон и приметались к ним. И они примутся колоть друг друга мечами, одурев от опьянения и сна. Мы их порубим их же мечами, и меч будет до утра гулять среди них". – "Этот замысел неправилен, – сказал Дауаль Маках, – а правильно будет нам идти к нашему войску, не произнося ни слова. Если мы крикнем: "Аллах велик!" – они проснутся и настигнут нас, и никто из нас не спасется". – "Клянусь Аллахом, если они проснутся, нам не будет от этого беды, и я хочу, чтобы вы согласились с моим замыслом – от него будет только добро!" – воскликнул Шарр-Кан. И все ответили согласием, и они поднялись на вершину горы и возгласили: "Велик Аллах!" И горы, деревья и камни возгласили вместе с ними, страшась Аллаха. И неверные услышали это славословие и закричали..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до ста

Когда же настала ночь, дополняющая до ста, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что ШаррКан сказал: "Я хочу, чтобы вы согласились с этим моим замыслом – от него будет одно только добро". И вес ответили согласием и поднялись на вершину горы и возгласили: "Велик Аллах!" И горы, деревья и камни возгласили вместе с ними, страшась Аллаха, и неверные услышали это и стали кричать друг на друга и надели оружие, восклицая: "Враги налетели на нас, клянемся мессией!"

И они перебили друг друга в таком количестве, которое знает лишь Аллах великий, а наутро стали искать пленных, но не нашли и следа их. И предводители сказали воинам: "С вами сделали это дело пленные, которые были у нас, устремитесь же за ними, пока не настигнете их, и заставьте их выпить чашу бедствия. Пусть не будет вам от этого ни страха, ни смущения".

И они сели на коней и погнались за мусульманами. И через мгновение они их настигли и окружили.

И когда Дау-аль-Макан увидел это, его охватил великий испуг, и он сказал: "То, чего я боялся, случилось, и нам не останется никакого выхода, кроме боя!" А ШаррКан все время молчал и не говорил. И затем Дау-аль-Макан спустился с вершины горы и воскликнул: "Аллах велик!" И люди его закричали вместе с ним и решили сражаться и продать свои души, повинаясь господе рабов. И когда это было, вдруг услышали они голоса, кричавшие: "Нет бога, кроме Аллаха! Аллах велик! Молитва и привет благовестнику, увещателю!" И, обернувшись в сторону голосов, они увидели, что подходят войска мусульман и отряды единобожников [164].

И при виде их сердца воинов окрепли, и Шарр-Кан понесся на неверных, восклицая вместе с единобожниками, бывшими с ним: "Нет бога,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

кроме Аллаха! Аллах велик!" И земля затряслась, как при землетрясении, и войска неверных рассеялись по склонам гор. И мусульмане преследовали их, рубя и разя и отделяя головы от тела, и Дау-аль-Макан со своими людьми, не переставая, рубил головы неверным, пока день не повернул на закат и не пришла ночь с ее мраком. А затем мусульмане сошлись и провели в радости всю ночь.

Когда же настало утро и засияло светом, и заблестало, они увидели Бахрама, предводителя турок, и Рустума, предводителя дейлемитов, которые подходили к ним с двадцатью тысячами всадников, подобных хмурым львам. И, увидев Дау-аль-Макана, всадники спешили и приветствовали его и облобызали землю меж его рук. И Дау-альМакан сказал им: "Радуйтесь победе мусульман и гибели племени неверных". И они поздравили друг друга с благополучием и великой наградой при воскресении.

А причиною их прибытия туда было вот что. Когда эмир Бахрам и эмир Рустум и старший царедворец отправились с мусульманскими войсками, развернув знамена над головою, и достигли аль-Кустантынии, они увидели, что неверные забрались на стены и заняли башни и укрепления, приготовившись к бою во всякой неприступной крепости, узнав, что подходят мусульманские войска и мухаммеданские знамена. А они услышали бряцанье оружия и гул криков. И, посмотрев, увидели мусульман и услышали топот копыт их копей за пылью, и вдруг оказалось, что они – точно стая саранчи пли изливающиеся облака. И румы услышали голоса мусульман, читавших, Коран и прославлявших Аллаха. А узнали об этом неверные потому, что так устроила старуха Зат-ад-Давахи по своей лживости, распутству, скрытности и коварству.

И когда войска подошли, подобные морю из-за множества пеших, конных, женщин и детей, эмир турок сказал эмиру дейлемитов: "О эмир, нам опасны враги, которые на стенах. Посмотри на эти башни и на толпу людей, подобную ревущему морю, где бьются волны! Поистине, этих неверных сто раз столько, сколько нас, и мы опасаемся, что какой-нибудь лазутчик расскажет им, что нет с нами султана. Поистине, грозят нам враги, несметные числом, помощь которым не прекращается, том более что отсутствуют царь Дау-аль-Макан и его брат и славнейший везирь Дандан. Узнав, что их нет, румы пожелают захватить нас, и уничтожат нас мечом до последнего, и не спасется из нас спасающийся. Разумно будет, чтобы ты взял десять тысяч всадников из мосульцев и турок и отправился с ними в пустынь Матруханны, что на лугу Малуханны, за нашими братьями и товарищами. Послушаетесь меня, – будете причиною их освобождения, если неверные стеснили их, а не послушаетесь, – так нет на мне упрека. А когда отправитесь, возвращайтесь к нам поскорее, ибо рассудительность в том, чтобы опасаться".

И упомянутый выше эмир согласился с этими речами и выбрал двадцать тысяч всадников, и они поехали, пересекая дороги, к названному лугу и знаменитой пустыни. Вот что было причиною их прибытия.

Что же касается старухи Зат-ад-Давахи,

то,

ввергнув

султана Дау-аль-Макана, его брата Шарр-Кана и везиря Дандана в руки нечестивых, эта распутица взяла коня, села на него и сказала неверным: "Я хочу настигнуть войско мусульман и ухитриться погубить его, так как оно находится в аль-Кустантынии. Я скажу им, что их товарищи погибли. Когда они услышат это от меня, их единение распадется и их полчища рассеются. И потом я пойду к царю Афридуну, властителю аль-Кустантынии, и к моему сыну, царю Хардубу, владыке румов, и расскажу им об этом, и они выйдут со своими войсками к мусульманам и погубят их, не оставив из них никого".

И она отправилась и всю ночь непрерывно скакала на этом коне, а когда наступило утро, она увидела войско Бахрама и Рустума. И, войдя в чашу, она спрятала своего коня, и вышла, и прошла немного, говоря про себя: "Быть может, мусульманские войска вернулись разбитые после боя под аль-Кустантынией". Но, приблизившись к войскам, она посмотрела и вгляделась в их знамена и увидела, что они не опущены. И она поняла, что мусульмане идут не разбитые и не боятся за своего царя и товарищей. И, убедившись в этом, она поспешила к ним быстрым бегом, как непокорный сатана, и, добежав до них, крикнула: "Спешите, спешите, о войска милосердного, на сражение с племенем сатаны!" И, увидев ее, Бахрам подъехал к ней и спешил и поцеловал перед нею землю. "О друг Аллаха, что нового идет за тобой?" – спросил он. И она сказала: "Не спрашивай о дурных делах и жестоких ужасах! Когда наши товарищи взяли богатства из пустыни Матруханны, они хотели отправиться в аль-Кустантынию, но против них вышло влачащееся войско неверных, несущее беду".

И затем проклятая повторила рассказ об этом, чтобы их смутить и испугать, и сказала: "Большинство их погибло, и их осталось лишь двадцать пять человек", – "О подвижник, когда ты покинул их?" – спросил Бахрам. "Сегодня ночью" [165], – отвечала она. И Бахрам воскликнул: "Превознесен тот, кто скрутил для тебя далекие земли, когда ты шествовал на ногах, опираясь на ветвь пальмы! Но ты один из крылатых святых, вдохновленных открытым им велением". И он сел на своего коня, ошеломленный, смущенный тем, что услышал от лгуни и обманщицы, повторяя: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Даром пропали наши тяготы и стеснена у нас грудь, и взят в плен наш султан и те, кто с ним!"

И они устремились, пересекая земли днем и ночью, вдоль и поперек, а когда настало время рассвета, они приблизились ко входу в ущелье и увидели Дау-аль-Макана и брата его Шарр-Кана, которые кричали: "Нет бога, кроме Аллаха! Аллах велик! Благословение и привет благовестнику, увещателю!"

И Бахрам со своими людьми понесся, и они окружили неверных, как поток окружает безводную степь, и завопили воплем от которого свалились храбрецы и раскололись юры. А когда настало утро и засияло светом и заблестало, на них пахнуло веянием и благоуханием Дауаль Макана, и они узнали друг друга, как было сказано раньше. И они поцеловали землю перед Дау-аль-Маканом и его братом Шарр-Каном, и Шарр-Кан рассказал им о том, что случилось в пещере, и они удивились этому.

А потом они сказали друг другу: "Поспешим в альКустантынию: мы оставили там наших товарищей и сердца наши с ними". И они ускорили шаг, уповая на всемилостивого, всеведущего. И Дау-аль-Макан укреплял мусульман в твердости, произнося такие стихи:

"О, слава тебе! Хвалы и славы достоин ты,

И помощь даруй навек, господь мой, в делах моих!

Я вырос в земле чужой, далекой, и был ты мне

Защитником, и врагов судил одолеть ты мне.

Ты дал и богатство мне, и счастье, и власть паря,

И меч подвязал ты мне победы и доблести.

И сенью ты царственной навек осветил меня,

Обильных щедрот твоих поток на меня излил.

Ты спас от всего меня, что страшным казалось мне.

Советами Старшего, везиря храбрейшего,

Твоею мы милостью на румов накинулись,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Одетые в красное вернулись к себе они.

И вид показал врагам, что в бегство я бросился,

Но снова вернулся к ним, несясь точно быстрый лев

Оставил я в поле их, поверженных на землю,

Как будто не от вина – от смерти хмельны они.

И в руки попали нам суда, до единого,

И власть получили мы на суше и на море.

И вскоре явился к нам подвижник–молитвенник,

Чья сила известна всем, в пустыне и в городе.

Явились мы с мессию ко всем, кто не верует,

И ныне среди людей известны дела мои.

Убили враги средь нас бойцов, и достались им

Пресветлые горницы в раю над потоками".

И когда Дау–аль–Макан окончил свои стихи, его брат Шарр–Кан поздравил его с благополучием и восхвалил его за деяния, а затем они отправились, поспешая в пути..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто первая ночь

Когда же настала сто первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Шарр–Кан поздравил брата Дау–аль–Макана со спасением и восхвалил его За деяния, а потом они отправились к своим войскам.

Вот что было с ними. Что же касается старухи Затад–Давахи, то она, повстречав войско Бахрама и Рустума, вернулась в рощу, взяла своего коня и, сев на него, быстро помчалась, пока не приблизилась к мусульманским войскам, осаждавшим аль–Кустантынию. А потом она сошла с коня, взяла его и пришла с ним к шатру, где был царедворец. И тот, увидав ее, поднялся ей навстречу, сделал ей знак, кивнув головой, и сказал: "Добро пожаловать богомольцу–подвижнику!" А затем он спросил ее, что случилось, и она рассказала ему свою устрашающую повесть и гибельную ложь и сказала: "Я боюсь за эмира Рустама и эмира Бахрама. Я встретил их с войсками по дороге и послал к царю и его людям. С ними было двадцать тысяч всадников, а неверных больше, чем их, и я хочу, чтобы ты сейчас же послал отряд твоих воинов – пусть они скорее соединятся с ними, иначе они погибнут все до последнего. Спешите, спешите!" – торопила она.

И когда царедворец и мусульмане слышали от нее эти слова, их решимость ослабла, и они заплакали. А Зат–адДавахи сказала им: "Просите помощи у Аллаха и будьте стойки в этой беде! Вам должно подражать вашим предкам из народа Мухаммеда, рай с дворцами уготован Аллахом для тех, кто умрет мучениками, а смерть неизбежна для всякого, но умереть в войне за веру более похвально" [166].

Услышав слова проклятой Зат–ад–Давахи, царедворец позвал брата эмира Бахрама, – а это был витязь по имени Теркаш, – выбрал ему десять тысяч всадников, хмурых храбрецов, и велел ему отправляться. И Теркаш двинулся в путь и ехал, пока не приблизился к мусульманам.

А когда наступило утро, Шарр–Кан увидел облако пыли и испугался за мусульман и воскликнул: "Это войско, что подходит к нам, войско мусульман, – и тогда это явная победа, – или это войско из войск неверных. Но неотвратимо то, что суждено". И он пришел к своему брату Дау–аль–Макану и сказал ему: "Не бойся ничего! Я выкуплю тебя своей душой от гибели! Если это войска из войск ислама, то это тем большая милость. Если же это наши враги, то с ними неизбежно сразиться. Но я хочу обратиться перед смертью к богомольцу и попросить его помолиться, чтобы я умер не иначе, как мучеником".

И когда они разговаривали, вдруг показались знамена, на которых было написано: "Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед–посол Аллаха!" И Шарр–Кан закричал: "Как дела мусульман?" И ему ответили: "Здоровы и благополучны! Мы пришли только из страха за вас". И предводитель войска сошел с коня, поцеловал землю перед ШаррКаном и спросил: "О мой владыка, как поживает султан, везирь Дандан, Рустум и мой брат Бахрам? Все ли они целы?" "Все благополучно, – отвечал Шарр–Кан. – А кто вас осведомил о нашем деле?" – спросил он затем. И предводитель ответил: "Подвижник. Он сказал, что встретил моего брата Бахрама и Рустума и послал их к вам, но говорил нам, что неверные окружили их, и врагов много. А и вижу, что дело обстоит как раз наоборот, и вы победители". – "А как добрался до вас подвижник?" – спросили Теркаша. И он ответил: "Он шествовал на ногах и прошел за день и ночь расстояние в десять дней пути для спешащего всадника". "Нет сомнения, что это друг Аллаха. Где же он?" – спросил Шарр–Кан. "Мы оставили его с войсками из людей правоверных, и он подстрекал их бороться с людьми неверия и непокорства", – ответили ему, и Шарр–Кан обрадовался. И они воздали хвалу Аллаху за свое спасение и спасение подвижника, и призвали милость Аллаха, и сказали: "Это было начертано в писании".

А затем они двинулись, поспешая в пути, и когда они шли, вдруг взлетело облако пыли, заставшее все концы земли и помрачившее день. И Шарр–Кан посмотрел на него и сказал: "Я боюсь, что неверные сломили войска ислама: эта пыль застлала восток и запад и наполнила землю с обеих сторон". А потом за этой пылью показался столб из мрака, мрачнее, чем черные дни, и он все приближался. И конные и пешие поспешили, чтобы посмотреть, в чем причина этого злого дела, и увидали, что это подвижник, уже упомянутый. И все, теснясь, стали целовать ему руки, а он кричал: "О народ лучшего из людей, светоча во мраке! Неверные обманули мусульман! Нагоните же войско единобожников и спасите их из рук неверных злодеев: они ринулись на них, и постигло их унижительное наказание, когда были они спокойны в своем месте!"

И когда Шарр–Кан слышал это, его сердце взлетело от сильного биения, и он сошел со своего коня растерянный. А потом он поцеловал подвижнику руки и ноги, и то же сделал брат его Дау–аль–Макан и остальные воины, пешие и конные, кроме везиря Дандана: тот не сошел с коня и сказал: "Клянусь Аллахом, мое сердце бежит от этого подвижника! Я не знаю о чересчур благочестивых ничего, кроме скверного. Оставьте же его и нагоните ваших товарищей мусульман, ибо этот человек – один из пропавших от врат милости господа миро". Сколько раз я ходил походом с царем Омаром ибн ан–Нуманом и попираю землю в этих местах!" – "Оставь, эти скверные мысли! – воскликнул Шарр–Кан. – Не видал ты разве, как этот богомалец побуждал мусульман к бою, невзирая на мечи и стрелы? Не клевети на него, ибо клевета порицается и мясо праведных опасно для хулителей. Посмотри, как он подстрекал нас на сражение! Если бы Аллах великий не любил его, он не сократил бы для нею путь в далекую землю, ввергнув его прежде в жестокое мучение".

Затем Шарр–Кан велел привести отшельнику нубийского мула и сказал ему: "Садись, подвижник, благочестивый богомалец". Но тот не согласился и отказался сесть, выказывая себя подвижником, чтобы достичь цели. И они не знали, что этот распутный подвижник тот, о подобном которому сказал поэт:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Постился, молился он, чтоб цель достичь своей,

А сделав дела, забыл и пост и молитвы.

И этот подвижник все шествовал между конными и пешими, точно лисица, хитрящая, чтобы похитить добычу, и, возвышая голос, читал Коран и прославлял милосердного.

И они шли до тех пор, пока не приблизились к войскам ислама, и Шарр–Кан увидел, что они разбиты и царедворец собирается бежать и спастись, и меч неверных работает среди чистых и нечистые..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто вторая ночь

Когда же настала сто вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Шарр–Кан настиг мусульман, они были разбиты и царедворец собирался бежать и спастись, и меч работал среди чистых и нечестивых. А причиной беспомощности мусульман было то, что когда проклятая Зат–ад–Давахи, враг веры, увидела, что Бахрам и Русум с их войсками отправились к Шарр–Кану и его брату Дау–альМакану, она поехала к войску мусульман и послала эмира Теркаша, как уже было раньше упомянуто. И хотела она этим разделить войска мусульман, чтобы они стали слабее. А затем она оставила их и отправилась в аль–Кустантынию и крикнула во весь голос патрициям румов: "Спустите веревку, я привяжу к ней письмо, а вы доставьте его вашему царю Придуну, чтобы он и мой сын, царь румов, прочли его и действовали согласно его приказанию и запрещению". И ей спустили веревку, и она привязала к ней письмо, и содержание его было: "От великой беды и величайшей напасти, Зат–ад–Давахи, царю Афридуну. А затем я придумала вам хитрость, чтобы погубить мусульман, – будьте же спокойны, – я взяла их в плен и захватила их сутана и везиря. А затем я отправилась к их войскам и рассказала об этом, и мощь их сломилась и их сила ослабла. Я обманула войска, осаждающие аль–Кустантыпию, и отослала двенадцать тысяч всадников с эмиром Теркашем, кроме взятых в плен, так что мусульман осталось лишь немного. Нужно, чтобы вы вышли на них со всем вашим войском в течение оставшегося дня и налетели на них в их палатах. Но только выходите обязательно вместе и перебейте их до последнего. Поистине, мессия обратил на вас свой взор и дева смягчилась к вам, и я надеюсь, что мессия не забудет деяний, которые я совершила".

И когда письмо ее дошло до царя Афридуна, он сильно обрадовался и сейчас же послал привести царя румов, сына Зат–ад–Давахи, и прочитал ему письмо, и тот обрадовался и воскликнул: "Посмотри, каковы козни моей матери: они избавляют нас от ужаса страшного дня". – "Да не лишит нас мессия вида твоей матери!" – воскликнул царь Афридун и велел патрициям кричать о выезде. Весть об этом распространилась в аль–Кустантынии, и войска христиан и приверженцев креста выступили, обнажив мечи, и прокричали слова неверия и ереси, не признавая господра рабов. И, увидав это, царедворец воскликнул: "Румы приблизились к нам, и они знают, что наш султан отсутствует! Быть может, они бросятся на нас, а большинство наших войск отправилось к царю Дау–аль–Макану!"

И царедворец разгневался и вскричал: "О войска мусульман и защитники твердой веры, если вы побежите, то погибнете, а будете стойки – победите. Знайте, доблесть в том, чтобы устоять, а Аллах пошлет облегчение. Да благословит нас Аллах и да посмотрит на вас оком милости!"

И тогда мусульмане закричали: "Аллах велик!" И единобожники издали вопль, и жернова войны завертелись, рубя и разя, и заработали мечи и копья, и наполнились кровью долины и равнины, и священники и монахи стали служить обедни, затянули пояса и подняли кресты. А мусульмане громко превозносили владыку воздающего и кричали, читая Коран. И племя милосердного сшиблось с племенем сатаны, и головы полетели с плеч, и прекрасные ангелы окружили народ избранного пророка, и мечи не переставали работать, пока не ушел день и не пришла ночь с ее мраком. И неверные окружили мусульман и решили, что избежали унижительной пытки. Многобожники жадно взирали на правоверных, пока не взошла и не стала видна заря. И тогда царедворец с войсками сел на коней, надеясь, что Аллах поможет ему, и народ смешался с народом, и война поднялась на ноги, и полетели головы, и доблестный был стоек и шел вперед, а трус, повернув спину бежал, и судья смерти судил и решал, пока храбрецов не повыбивали из седел и не наполнились мертвыми луга.

И мусульмане отошли со своего места, и румы овладели частью их палаток и жилищ, и правоверные решили отступить, повернуть и бежать. И в это время вдруг прибыл Шарр–Кан с войсками мусульман и заменами единобожников, и, приблизившись к ним, Шарр–Кан понесся на неверных, и за ним последовал Дау–аль–Макан, а вслед за ними помчались везирь Дандан, эмир дейлемитов Рустум, Бахрам и брат его Теркаш. И когда неверные увидали это, их умы улетели и разум их исчез, только пыль взвилась, наполнив все концы, и лучшие из мусульман соединились с их пречистыми товарищами. И Шарр–Кан свиделся с царедворцем, восхвалил его за стойкость и поздравил его с вышней поддержкой и победой. И обрадовались мусульмане, и сердца их укрепились, и они понеслись на врагов. преданные Аллаху в бою. И, когда неверные увидали мухаммеданские знамена, на которых написаны слова о предании себя исламу, они закричали: "О бедствие! о гибель! – и стали взывать к патриархам в монастырях, призывая Юханну и Мариам и крест, будь он проклят! – и руки их не поднимались на бой. И царь Афридун подъехал к парю румов, и один из них встал справа, а другой слева, и подле них был знаменитый витязь по имени Лявия, который встал посредине, и они выстроились для схватки, хотя были испуганы и потрясены. И мусульмане построили свои войска, и Шарр–Кан обратился к своему брату Дау–аль–Макану и сказал ему: "О царь времени, они несомненно хотят поединка, а это предел наших желаний. Ио я хотел бы поставить вперед тех из войска, у кого твердая решимость, ибо разумный замысел – половина жизни". – "Что же ты хочешь, о обладатель верного мнения?" – спросил султан. И Шарр–Кан сказал: "Я хочу быть в середине войска неверных так, чтобы везирь Дандан был слева, ты – справа, а эмир Бахрам на левом крыле. Ты же, о великий царь, будешь под знаменами и стягами, так как ты паша опора, и на тебя, после Аллаха, мы полагаемся. И все мы выкупим тебя от колкого злого дела". И Дау–аль–Макан поблагодарил его за это, и поднялись крики, и воины обнажили мечи, и когда это было так, вдруг появился из войска румов витязь и приблизился, и воины увидали, что он сидит верхом на мелко шагающем муле, уносящем всадника из–под ударов ме– чей, и чепрак его был из белого шелка, и на кем был молитвенный коврик кашмирской работы. А на спине мула сидел старец, прекрасный своей сединой и величественный видом, и одет он был во власяницу из белой шерсти. И он ускорял ход и погонял мула, пока не приблизился к войску мусульман, и тогда он сказал: "Я посланец к вам всем, а на посланце лежит лишь оповещение. Дайте же мне безопасность, и я передам вам послание". – "Ты в безопасности, не страшись же рубящего меча и разящего копья", – отвечал Шарр–Кан, и тогда старец спешил и, сняв с шеи крест перед султаном, поклонился ему поклоном ожидающего милости и сказал: "Я посланец царя Афридуна. Я увещевал его воздержаться и не губить образы человеческие и храмы всемилостивого, и разъяснил ему, что правильнее не проливать крови и ограничиться поединком двух витязей, и он согласился на это и говорит вам: "Я выкуплю мое войско собственной душой, пусть царь мусульман сделает, как я, и выкупит свое войско жизнью. Если он убьет меня, не останется у войск неверных твердости, а если я убью его, не останется твердости у войска ислама".

Услышав эти слова, Шарр–Кан воскликнул: "О монах, мы согласны на это, ибо это и есть справедливость, которой не должно противоречить. Вот я выступлю против него и понесусь на него, ибо я витязь мусульман, а он витязь неверных. Если он убьет меня, то получит победу, и войскам мусульман останется только бегство. Возвращайся же к нему, о монах, и скажи ему: "Поединок будет завтра, так как мы пришли сегодня усталые от пути, а после отдыха не будет ни упрека, ни порицания". И монах вернулся, радостный, и, прибыв к царю Афрудуну и царю румов, рассказал им об этом. И царь Афридун до крайности обрадовался, и прошли его горести и печали. "Нет сомнения, – сказал он про себя, – что этот ШаррКан лучше их всех рубит мечом и разит копьем, и если я убью его, их решимость сломится и сила их ослабнет". А Зат–ад–Давахи писала об этом царю Афридуну и говорила: "Шарр–Кан – витязь среди доблестных и доблестный среди витязей". И она предостерегала Афридуна от ШаррКана. А Афридун был великий витязь, так как он сражался разными способами: метал камни и стрелы и бил железным столбом и не боялся великой беды, и, услышав от монаха, что Шарр–Кан согласен на поединок с ним, он едва не взлетел от сильной радости, так как он верил в себя и знал, что никому его не осилить. И неверные провели эту ночь в радости и восторге и пили вино, а когда встало утро, приблизились всадники с серыми копыями и белыми клинками. И вдруг видят они – выступает на поле витязь верхом на коне из чистокровных коней в боевой сбруе и с сильными ногами. На витязе была железная кольчуга, припасенная для великой беды, а на груди его было зеркало из драгоценных камней, а в руке меч и кленовое копье из диковинных изделий франков. И витязь открыл лицо и сказал: "Кто знает меня, тому досталось от меня довольно, а кто меня не знает, увидит, кто я. О, Афридун, осененный благословением Зат–ад–Давахи".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И не окончил он еще своих речей, как выступил перед лицо его витязь мусульман Шарр–Кан, верхом на рыжем коне, стоящем тысячу червонным золотом. И на нем были доспехи, украшенные жемчугом и драгоценностями, и опоясан он был индийским мечом с драгоценными камнями, рассекающим шеи и облегчающим трудные дела. И он погнал своего коня меж рядами, а витязи взирали на его очами, и воззвал он к Афридуну, говоря: "Горе тебе, проклятый! Или ты считаешь меня таким, как те витязи, которыми ты встретился, не устоявшие против тебя на поле в жарком бою?" И затем каждый из них понесся на другого, и оба были подобны столкнувшимся горам или сшибшимся морям. Они приближались и отдалялись, сходились вплотную и расходились, и в шутку, и не в шутку, вступали и отступали, рубя и разя. И войска глядели на них, одни говорили, что победит Шарр–Кан, а другие говорили, что победит Афридун. И витязи сражались до тех пор, пока не прекратились слова и речи. И когда поднялась пыль и день ушел и солнце стало желтеть, тогда царь Афридун крикнул Шарр–Кану: "Клянусь мессией и истинной верой, ты витязь упорный и храбрец воинственный, но только ты обманщик, и твой нрав не таков, как нрав лучших людей. Я вижу, что дела твои не похвальны и бой твой – не бой вождя, и твои люди возводят твой род к рабам. Вот тебе вывели другого коня, и ты снова ринешься в бой. А я, клянусь моей верой, измучился, сражаясь с тобою. Если ты хочешь сражаться со мною в сегодняшний вечер, не меняй ни доспехов, ни коня, пусть витязям станет явно твое благородство и умение биться".

И, услышав эти речи, Шарр–Кан разгневался из–за слов своих товарищей, которые возводили его род к рабам, и, обернувшись к ним, хотел дать им знак и приказать, чтобы они не меняли ему коня и доспехи, как вдруг Афридун взмахнул копьем и пустил им в Шарр–Кана. А тот обернулся назад и никого не увидел, и понял, что это была хитрость проклятого, и он быстро повернул лицо, а копье настигло его, но он уклонился от него, опустив голову на уровень луки седла, так что копье попало ему в грудь. А грудь у Шарр–Кана была высокая, и копье ободрало кожу на его груди, и он издал единый вопль и исчез из мира.

И обрадовался проклятый Афридун и понял, что он убил его, и закричал неверным с радостью, и заволновались люди беззакония, и заплакали люди правок веры, и когда Дау–аль–Макан увидел, что его брат склоняется на копе и едва не падает, он послал к нему витязей, и храбрецы вперегонку помчались к нему и привели его к Дауаль–Макану. И неверные понеслись на мусульман, и оба войска встретились, и ряды смешались, и заработали острые йеменские клинки, и быстрее всех был подле Шарр–Кана везирь Дандан..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто третья ночь

Когда же настала сто третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Дау–аль–Макан, увидав, как проклятый ударил его брата Шарр–Кана копьем, решил, что от умер, и послал к нему витязей, и быстрее всех был возле Шарр–Кана везирь Дандан, эмир турок Бахрам и эмир дейлемитов. Они настигли его, когда он наклонился, покидая с коня, и поддержали его и возвратились с ним к его брату Дау–аль–Макану, а потом они поручили его слугам и вернулись разить и рубить.

И сильнее стал бой, и поломались концы копий, и превратились речи и разговоры, видна была только льющаяся кровь и сброшенные с плеч головы, и меч непрестанно работал на головах. И распря все усиливалась, пока не прошла большая часть ночи, и оба отряда устали сражаться, и раздался клич: "Расходись!" И всякий отряд вернулся к себе в палатки, и все неверные отправились к воему царю Афридуну и поцеловали перед ним землю, и священники и монахи поздравили его с победою над ШаррКаном. А потом царь Афридун вступил в аль–Кустантытию и сел на престол своего царства, и царь Хардуб пришел к нему и сказал: "Да укрепят мессия твою руку и да не перестанет помогать тебе, и да возьмет он праведной матери Зат–ад–Давахи, которая молится за тебя. За что мусульмане уже не устоят после Шарр–Кана". – "Завтра, – сказал Афридун, – будет конец, когда я выйду на бой и вызову Дау–аль–Макана и убью его. Их войска повернут тогда спину и обратятся в бегство".

Вот что было с неверными. Что же до войск ислама, то когда Дау–аль–Макан вернулся в палатки, то ему не было не до кого дела, кроме своего брата. И, войдя к нему, он нашел его в наихудшем положении и в ужаснейшей беде, и позвал везиря Дандана, Рустума и Бахрама, чтобы посоветоваться. И они пришли к нему и выразили мнение, что следует призвать врачей, чтобы лечить Шарр–Кана, и сказали: "Время не подарит такого, как он!"

И они просидели у него всю ночь без сна, а к конце ночи к ним пришел плачущий подвижник, и, увидя его, Дау–аль–Макан поднялся к нему навстречу, а подвижник погладил рукою рану его брата и прочитал кое–что из Корана, заклиная рапу знамениями всемилостивого. И он неотступно был подло него до утра, бодрствуя, и тогда Шарр–Кан очнулся, открыл глаза, повернул язык во рту и заговорил.

И султан Дау–аль–Макан обрадовался и воскликнул: "Ему досталось благословение через подвижника!" А Шарр–Кан произнес: "Слава Аллаху за выздоровление! Я сейчас во здравии, а этот проклятый сделал со мной хитрость, и если бы я не склонился быстрее молнии, копье наверное пронзило бы мне грудь. Слава же Аллаху, который спас меня. А каково положение мусульман?" – "Они плачут по тебе", – отвечал Дау–аль–Макан. "Я в добром Здравовье, – сказал Шарр–Кан, – но где же подвижник?" А подвижник сидел у его изголовья и сказал: "У тебя в головах". И Шарр–Кан обернулся к нему и поцеловал ему руки. И подвижник сказал ему: "О дитя мое, соблюдай прекрасную стойкость, и Аллах увеличит воздаяние тебе, ибо воздается по мере трудности". И ШаррКан сказал: "Помолись за меня". И подвижник стал за него молиться.

А когда наступило утро и появилась заря и заблистала, мусульмане вышли на поде битвы, а неверные приготовились рубить и разить. И войска ислама выступили, ища боя и сражения, обнажив оружие. И царь Дау–аль–Макан с Афридуном хотели кинуться друг на друга, по когда Дау–аль–Макан выехал на поле, с ним выехали везирь Дандан и царедворец с Бахрамом и сказали ему: "Мы – выкуп за тебя!" И он воскликнул: "Клянусь священным храмом и Земземом и Местом Ибрахима [167], я не откажусь выйти к этим мужланам!" И, оказавшись на поле, он заиграл мечом и копьем так, что ошеломил витязей и изумил оба войска. Он понесся на правое крыло и убил там двух патрициев. И на левом крыле он тоже убил двух патрициев, и, встав посреди поля, крикнул: "Где Афридун? Я заставлю его вкусить унижительную пытку!" И проклятый хотел повернуть назад, подавленный. Царь Хардуб увидал его в таком состоянии и стал заклинять его не выезжать и сказал: "О царь, вчера был твой бой, а сегодня мой бой, – я не посмотрю на его доблесть". И он выехал с острым мечом в руке, и под ним был конь, подобный Абджару, что принадлежал Антару [168], и это был конь вороной, горячий, как сказал поэт:

Вот кровный конь – со взором он гоняется,

Как будто бы судьбу догнать стремится он.

И масть его нам черной, мрачной кажется,

Как ночь черна, когда сгустится мрак ночной.

Своим он ржаньем всех волнует слышащих;

Как гром оно гремит, когда в высотах буря.

Гоняясь с ветром, первым он примчался бы

И блеску молний обогнать невмочь его.

Потом каждый из них кинулся на противника, укрываясь от его ударов, и выказал чудеса, которые он таил себе. И они наступали и отступали, пока не стеснились груди и не истощилось терпение судьбы. И тогда Дау–альМакан вскрикнул и ринулся на царя армян Хардуба и ударил его ударом, скинувшим ему голову и прервавшим его дыхание. И неверные, увидев это, вместе понеслись на него, и все направились к нему, и Дау–аль–Макан встретил их на поле в жарком бою, и сеча и удары продолжались до тех пор, пока кровь не полилась потоками. И мусульмане закричали: "Аллах велик! Нет бога, кроме Аллаха, молитва да будет над благовестителем и увещалем!" И сражались жестоким боем, и Аллах ниспослал победы правоверным и посрамление неверным. И везирь Ашдан закричал: "Отомстите за

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

царя Омара ибн ан–Нумана и за сына его Шарр–Кана!" И обнажил голову и крикнул туркам – а подле него было больше десяти тысяч всадников, – и они понеслись за ним, все как один, и неверные не нашли для себя ничего кроме бегства, и повернули спины, и заработал среди них остро рубящий меч. И убили из них около пятидесяти тысяч всадников, а в плен взяли больше этого, и множество народу было убито в жестокой давке при входе в ворота. А затем румы заперли ворота и взобрались на стены, боясь пытки, а отряды мусульман вернулись, поддержанные Аллахом, победоносные, и они пришли к шатрам, и царь Дау–альМакан вошел к своему брату и нашел его в наилучшем состоянии и пал ниц, благодаря преславного всевышнего. И, приблизившись к своему брату, он поздравил его со спасением. А Шарр–Кан сказал ему: "Мы все под благословением этого подвижника, обращающегося к Аллаху. И вы победили только благодаря его принятой молитве, ибо он сегодня все время сидел и молился за победу мусульман..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто четвертая ночь

Когда же настала сто четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Дау–аль–Макан, войдя к своему брату Шарр–Кану, нашел его сидящим, и богомolec был подле него. И он обрадовался и, обратившись к брату, поздравил его со спасением. А ШаррКан сказал: "Мы все под благословением этого подвижника, и вы победили благодаря молитве за вас: он сегодня не двинулся с места, молясь за мусульман. А я нашел в душе силу, когда услышал ваше славословие, и понял, что вы победили врагов. Расскажи же мне, о брат мой, что выпало тебе на долю". И Дау–аль–Макан рассказал ему, что у него произошло с проклятым Хардубом, и поведал, что убил его и он отправился к проклятию Аллаха. И Шарр–Кан восхвалил его и превознес его рвение.

И когда Зат–ад–Давахи, бывшая в обличье подвижника, услышала об убиении ее сына, царя Хардуба, цвет о лица переменился на желтый, и закапали из глаз ее сильные слезы. Но, однако, она скрыла это и показала мусульманам, что она рада и плачет от сильной радости, потом она сказала себе: "Клянусь мессией, от моей жизни не будет больше проку, если я не сожгу его сердца за его брата Шарр–Кана, как он сжег мое сердце из–за поры христианской веры и приверженцев Христа – царя Хардуба". Но она скрыла свои мысли.

А везирь Дандан, царь Дау–аль Макан и царедворец остались сидеть у Шарр–Кана, приготовляя ему пластыри и мази и давая ему лекарство, и здоровье направилось к ему, и все очень обрадовались и сообщили об этом войскам, и мусульмане возликовали и говорили: "Завтра он сядет с нами на коня и примет участие в осаде". А потом Шарр–Кан сказал сидевшим подле нею: "Вы сегодня сражались и устали от боя, вам следует пойти к себе и поспать". И они ответили согласием, и каждый из них ушел к себе в шатер. Возле Шарр–Кана остались лишь немногие слуги и старуха Зат–ад–Давахи. И Шарр–Кан поговорил с нею, а затем он прилег уснуть, и слуги также, и сон одолел их, и они заснули, как мертвые.

Вот что было с Шарр–Каном и его слугами. Что же касается старухи Зат–ад–Давахи, то после того, как они заснули, она одна осталась бодрствовать в палате. И она посмотрела на Шарр–Кана и увидела, что он погружен в сон, и, вскочив на ноги, она вынула отравленный кинжал, такой, что, будь он положен на камень, он наверное расплавил бы его, и, вытащив его из ножен, подошла к изголовью Шарр–Кана, провела кинжалом по его шее и зарезала его, отделив ему голову от тела.

А затем она вскочила на ноги и, подойдя к спящим слугам, отрезала им головы, чтобы они не проснулись. И после того вышла из палатки и пошла к шатру султана. Но, увидев, что сторожа не спят, она направилась шатру везиря Дандана и нашла его читающим Коран. И когда взор везиря встретился с ее взором, он сказал: "Добро пожаловать богомольцу–подвижнику!" И, услышав от везиря, она почувствовала в сердце тревогу и сказала: "Я поэтому пришел сюда в это время, что услышал голос одного из друзей Аллаха, и я ухожу к нему". И она повернулась, уходя, а везирь Дандан воскликнул про себя: "Клянусь Аллахом, я последую за подвижником сегодня ночью!" И он поднялся и пошел за нею, и, когда проклятая услышала его шаг, она поняла, что он идет сзади, и испугалась, что опозорится. Если я не обману ею хитростью, я буду опозорена", – подумала она, и обратилась к нему издали и сказала. "О, везирь, я иду за этим другом Аллаха, чтобы узнать его, и когда я его узнаю, я спрошу для тебя позволения подойти к нему, и приду и скажу тебе. Я боюсь, что если ты пойдешь со мной, не спросивши его позволения, он почувствует ко мне неприязнь, увидав тебя со мною". И везирь, услышав ее слова, постыдился ответить ей и оставил ее и вернулся к себе в палатку. Он хотел заснуть, но сон не был ему приятен и мир едва не рушился на него. И тогда он вышел из палатки и сказал про себя: "Пойду к Шарр–Кану и поговорю с ним до утра". И он пошел и, войдя к Шарр–Кану, увидел, что кровь течет, как из трубы, и слуги зарезаны. И везирь издал крик, который встревожил спящих, и люди поспешили к нему и, увидев лившуюся кровь, подняли плач и стенания. И тогда султан Дау–аль–Макан проснулся и спросил, что случилось, и ему сказали: "Твой брат Шарр–Кан и слуги убиты". И он поспешно поднялся и, войдя в палатку, увидел кричащего везиря Дандана и нашел тело своею брата без головы – и исчез из мира. И тогда все воины закричали и заплакали и стали ходить вокруг Дау–альМакана, и он очнулся и, посмотрев на Шарр–Кана, заплакал громким плачем, и то же сделали везирь и Рустум и Бахрам. А что до царедворца, то он кричал и очень много плакал, а потом пожелал уехать, так как испытывал ужас. "Не знаете вы, кто сделал это с моим братом и почему я не вяжу подвижника, удалившегося от дел мира?" – спросил Дау–аль–Макан. И везирь воскликну: "А кто навлек такие печали, как не этот сатана–подвижник! Клянусь Аллахом, мое сердце бежало от него, так как я знаю, что всякий, кто далеко заходит в благочестии, – человек скверный и коварный". И он повторил царю свою повесть и рассказал, что хотел последовать за подвижником, но тот ему не дал этого сделать.

И люди подняли плач и стенания и умоляли близкого, внимающего, чтобы он отдал им в руки этого подвижника, не признающего знамений Аллаха, и они обрядили Шарр–Кана и закопали его на упомянутой горе, печальась об его славных достоинствах..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто пятая ночь

Когда же настала сто пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что они обрядили ШаррКана и закопали его на упомянутой горе, печальась о его славных достоинствах. А затем они стали ждать, чтобы открылись ворота города, но их не открывали, и на стенах не было видно ничьего следа. И они удивились до крайности, и царь Дау–аль–Макан воскликнул: "Клянусь Аллахом, я не двинусь, пока не отомщу за моего брата Шарр–Кана и не разрушу аль–Кустантынию и не перебью христианских царей, даже если настигнет меня гибель и я отдохну от этой низкой жизни!"

Потом он велел принести богатства, захваченные в пустыни Матруханны, собрал войска и разделил деньги, не оставив никого, кому бы не дал достаточно денег. А затем он призвал из каждого отряда по триста всадников и сказал им: "Пошлите жалованье домой, так как я останусь здесь у этого города, пока не отомщу за моего брата Шарр–Кана, хотя бы я умер в этом месте".

И, услышав от него эти слова, воины взяли деньги, которые он дал им, и ответили ему: "Слушаем и повинuemся!" А Дау–аль–Макан призвал гонцов и дал им письма и велел передать их и доставить деньги в дома воинов, сообщив их родным, что они здоровы и спокойны. "Расскажите, что мы осаждаем аль–Кустантынию и разрушим ее или умрем; хотя бы пробыли здесь месяцы и годы, мы не тронемся отсюда, не завоевав ее", – сказал им Дау–аль–Макан и велел везирию Дандану написать письмо его сестре Нузхат–аз–Заман. "Сообщи ей о том, что с нами случилось и каково нам, – сказал он, – и поручи ей заботиться о моем сыне. Когда я выступил, моя жена была близка к родам, и сейчас она не иначе, как родила. И если, как я слышал, ей послан сын, пусть гонцы возвращаются скорее и привезут мне эту весть". И он подарил гонцам немного денег, и они взяли их и отправились в тот же час и минуту, и люди вышли проститься с ними и поручили им беречь деньги.

А когда они отправились, царь обратился к везирию Дандану и велел ему отдать людям приказ подползти близко к стенам, и они подползли, но никого не нашли на стенах и удивились этому. И султан был озабочен этим и стал печалиться о разлуке со своим братом ШаррКаном и не знал, что думать о подвижнике–обманщике. И они провели так три дня и никого не увидели.

Вот что было с мусульманами. Что же до румов и до причины их уклонения от боя в эти три дня, то Зат–адДавахи, убив Шарр–Кана, поспешно пошла и, придя к стенам, закричала сторожам на языке румов, чтобы они спустили ей веревку. "Кто ты?" – спросили ее. И она отвечала: "Я Зат–ад–Давахи!" И ее узнали и спустили ей веревку, а она привязала себя к ней, и ее подняли. И, прибыв к румам, она вошла к

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

царю Африду и спросила его: "Что это я слышала от мусульман? Они говорили, что мой сын Хардуб убит". – "Да", – отвечал Африда. И старуха закричала и заплакала, и плакала до тех пор, пока не довела до плача Африду и тех, кто был у него, а затем она рассказала Африду, что зарезала Шарр-Кана и тридцать слуг. И Африда обрадовался и поблагодарил ее, целуя ей руки, и пожелал ей быть стойкой, потеряв сына. "Клянусь мессией, – воскликнула она, – я не удовлетворюсь, убив собаку из мусульманских собак в отместку за царя из царей времени! Я непременно устрою хитрость и измышлю козни, которыми убью султана Дау-аль-Макана, везиря Дандана, и царедворца, и Рустума, и Бахрама, и десять тысяч витязей из войск ислама. О, царь времени, – сказала она потом, – я хочу справить печаль по моему сыну и порвать пояс и сломать кресты". А Африда отвечал си: "Делай, что хочешь, я не буду прекословить тебе ни в чем. Если бы ты и долгое время печалилась по твоим сыне, этого было бы мало. Мусульмане, если они захотели бы нас осаждать лета и годы, не добьются от нас того, чего хотят, и им достанется лишь усталость и труд".

И проклятая, покончив с бедствиями, которые она учинила, и с несчастьями, ею самую придуманными, взяла чернильницу и бумагу и написала: "От Шавахи Зат-ад-Давахи достойным мусульманам: "Знайте, что я входила в ваши земли и примешала свою скверну к вашему благородству. Прежде я убила вашего царя Омара ибн ан-Нумана, посреди его дворца, и также убила многих его людей в сражении при ущелье и пещере, а последние, кого я убила, – это Шарр-Кан и его слуги. И если поможет мне время и будет послушен мне сатана, я непременно убью султана и везиря Дандана. И если вы хотите после этого остаться целы – уезжайте, если же вы хотите гибели ваших душ – не уклоняйтесь от пребывания здесь. И хоть бы вы остались здесь лета и годы, вы не достигнете от нас желаемого. Мир вам!"

И, написав письмо, она провела в печали по царе Хардубе три дня, а на четвертый день позвала патриция и приказала ему взять эту записку, привязать ее к стреле и пустить к мусульманам. А после этого она пошла в церковь и стала плакать и причитать о потере сына, и она сказала тому, кто воцарился после него: "Я непременно убью Дау-аль-Макана и всех врагов ислама!"

Вот что было с нею. Что же до мусульман, то они провели три дня, огорченные и озабоченные, а на четвертый день они посмотрели на стены и вдруг видят – патриций с деревянной стрелой, а на конце ее письмо. И они подождали, пока патриций пустил им стрелу, и султан велел везиру Дандану прочитать письмо. И когда тот прочитал его и Дау-аль-Макан услышал, что в нем написано, и понял его смысл, глаза его пролили слезы, и он закричал, мучаясь из-за ее коварства, а везирь сказал: "Клянусь Аллахом, мое сердце бежало от нее!" – "Как могла эта распутница схитрить с нами два раза! – воскликнул султан. – Но клянусь Аллахом, я не тронусь отсюда, пока не наполню ей фардж расплавленным свинцом и не заточу ее, как птиц заточают в клетке, а потоп привяжу за волосы и распну на воротах аль-Кустантынии!" И он вспомнил своего брата и заплакал горьким плачем.

А неверные, когда старуха направилась к ним и рассказала, что случилось, обрадовались убиению ШаррКана и спасению Зат-ад-Давахи. Мусульмане же поиериулись к воротам аль-Кустантынии, и султан обещал им, если он завоеует город, разделить его богатства между ними поровну. Вот! А у султана не высохали слезы о? печали по брату, и худоба обнажила его тело, так что он стал, точно зубочистка. И везирь Дандан вошел к нему и сказал: "Успокой свою душу и прохлады глаза! Твой брат умер не раньше своего срока, и нет пользы от этой печали. Как прекрасны слова поэта:

Не свершится что – не свершить того ухищренья,

Никогда, а то, чему быть должно, то будет.

Чему быть должно, совершится то своевременно

И невежда лишь угнетен всегда бывает. Оставь же плач и стенания и укрепи свое сердце, чтобы нести оружие". – "О везирь, мое сердце огорчено смертью моего отца и брата и тем, что мы вдали от наших земель. Поистине, мой ум занят мыслью о подданных", – сказал Дау-аль-Макан. И везирь и присутствующие заплакали. И они провели некоторое время,

осаждая аль-Кустантынию, и когда это было, вдруг пришли из Багдада вести с одним эмиром царя, гласившие, что жена царя Дау-аль Макана наделена сыном и что Нузхат-азЗаман, сестра царя, назвала его Кан-Макан, и с этим мальчиком произойдут великие дела, так как в нем уже увидели чудеса и диковины. И царица приказала ученым и проповедникам молиться за вас на кафедрах, после каждой молитвы, и передает вам: "Мы в добром здравье, и дождя много, и твой товарищ истопник в полном довольстве и изобилии, и у него есть слуги и челядь, но он до сих пор не знает, что с тобой случилось! Мир тебе!" И Дау-аль-Макан воскликнул: "Теперь моя спина укрепились, так как я наделен сыном, имя которого Кан-Макан..."

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто шестая ночь

Когда же настала сто шестая ночь, она сказала:

"Дошло до меня, о счастливый царь, что когда к царю Дау-аль-Макану пришла весть о рождении сына, он обрадовался великой радостью и воскликнул: "Теперь окрепла моя спина, так как я наделен сыном, имя которому Кан-Макан. Я хочу оставить печаль и совершить в память моего брата чтение Корана и благие дела", – сказал он везиру Дандану. И тот ответил: "Прекрасно то, что ты пожелал!" А затем царь велел разбить палатки на могиле своего брата и собрать тех, кто читает Коран, и одни стали читать, а другие поминали Аллаха до утра. А затем султан Дау-аль-Макан подошел к могиле своего брата Шарр-Кана и пролил слезы и произнес такие стихи:

"Его вынесли, и всяк плачущий позади него

Был сражен, как Муса, когда гора низверглась [169]

И пришли к могиле, и мнилось нам, будто гроб его

В сердце каждого, чей господь един, закопан.

И не думал я, пока жив ты был, что увижу я,

Как уносится на руках людей гора Радва [170]"

Никогда! И, прежде чем в землю ты закопан был,

Я не знал, что звезды зайти под землю могут"

И жилец могилы – он может ли быть заложником

В обители, где и блеск и свет сияют?

Похвалы ему оживить его обещали вновь,

Когда умер он, и как будто жив он снова.

А окончив свои стихи, Дау-аль-Макан заплакал, и все люди заплакали с ним, а потом он подошел к могиле и бросился на нее, ошеломленный, а везирь Дандан произнес слова поэта:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Оставивши тленное, достиг ты извечного,

И много людей, как ты, тебя обогнали ведь,

И был безупречен ты, покинувши мир земной,

И с тем, что обрыщешь ты в блаженстве, забудешь жизнь.

Охраню был ты нам от недругов яростных,

Лишь только стрела войны стремилась сразиться в бою,

Все в мире считаю я пустым и обманчивым!

Высоки стремленья тех, кто ищет лишь господя!

Так пусть же господь престола в рай приведет тебя,

И место там даст тебе, в обители истинной!

Утратив тебя теперь, вздыхаю я горестно

И вижу – грустят восток и запад, что нет тебя".

И везирь Дандан, окончив свои стихи, горько заплакал, и из глаз его посыпались слезы, как нанизанные жемчуга, а затем выступил вперед человек, бывший сотрапезником Шарр–Кана, и стал так плакать, что его слезы стали похожи на залив, и он вспомнил благородные поступки Шарр–Кана и произнес стихотворение в пятистишиях:

"Где же дар теперь, когда длань щедрот под землей твоя

И недуги злые мне сушат тело, как нет тебя?

О вожак верблюдов, да будешь рад ты! Не видишь ли,

Написали слезы немало строк на щеках моих?

Ты заметил их? Услаждают вид их глаза твои?

Поклянусь Аллахом, не выдам я мысли тайные

О тебе, о нет, и высот твоих не касалась мысль

Без того, чтоб слезы глаза мне жгли и лились струей.

Но хоть раз один отведу коль взор, на других смотря,

Пусть натянет страсть повод век моих, когда спят они.

Когда этот человек окончил свои стихи, Дау–аль–Макан заплакал вместе с везирем Данданом, и воины подняли громкий плач, а затем они ушли в палатки, а султан обратился к везирию Дандану, и они стали советоваться о делах сражения.

И так они провели дни и ночи, и Дау–аль–Макан мучился заботой и горем, и однажды он сказал: "Я хочу послушать рассказы о людях, предания о царях и повести о безумных от любви – быть может, Аллах облегчит сильную заботу, охватившую мое сердце, и прекратит этот плач и причитания".

И везирь отвечал ему: "Если твою заботу облегчит только слушание рассказов о царях, диковинных преданий и древних повестей о безумных от любви и других, то это дело легкое, так как при жизни покойного твоего отца у меня не было иного занятия, кроме рассказов и стихов. И сегодня вечером я расскажу тебе о любящей и любимом, чтобы расправилась твоя грудь".

И когда Дау–аль–Макан услышал слова везирия Дандана, он стал ждать только прихода ночи, желая услышать, какие расскажет везирь Дандан предания. И когда подошла ночь, он велел зажечь свечи и светильники и принести нужные кушанья, напитки и курильницы, и ему принесли все это. Азатем он послал за везирем Данданом, и когда тот пришел, царь послал за Бахрамом, Рустамом, Теркашем и старшим царедворцем, и они явились. И когда все предстали перед ним, он обернулся к везирию и сказал ему: "Знай, о везирь, что ночь пришла и развернула и опустила на нас свои покровы, и мы хотим, чтобы ты рассказал нам, какие обещал, повести". "С любовью и охотой", – сказал везирь..."

И Шахразаду застало утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто седьмая ночь

Когда же настала сто седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, призвав везирия, царедворца, Рустума и Бахрама, царь Дау–аль–Макан обернулся к везирию Дандану и сказал ему: "Знай, о везирь, что ночь подошла и развернула и опустила на нас свои покровы, и мы хотим, чтобы ты рассказал нам, какие обещал, повести". – "С любовью и охотой, – отвечал везирь. – Знай, о счастливый царь, что дошла до меня повесть о любящем и любимом и посреднике между ними, а также о чудесах и диковинках, с ними случившихся, и прекращает она заботу в сердцах и рассеивает горе, подобное горю Якуба [171]. Вот она.